Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. на территории Ярославова дворища

А. В. Андриенко, А. В. Шуреев, М. Н. Желтова¹

Аннотация. В статье рассматривается вещевой материал из нижнего горизонта культурных напластований Дворищенского раскопа 2013–2014 гг. на Ярославовом дворище в Великом Новгороде. На основании морфологического изучения предметов выделены три хронологические группы находок, относящиеся к средневековому периоду (X–XI вв.), раннему железному веку и эпохе раннего металла.

Annotation. This paper considers the archaeological artefacts from the lower horizon of cultural deposits of the site excavated in 2013–2014 at Yaroslavovo Dvorishche in Veliky Novgorod. On the basis of morphological examination of the finds, three chronological groups have been distinguished dating from the mediaeval period (10th–11th century), early Iron Age and the Early Metal Age.

Ключевые слова: Ярославово дворище, раскопки, керамика, кремневые предметы, эпоха раннего металла, ранний железный век, раннее средневековье.

Keywords: Yaroslavovo Dvorishche, excavations, pottery, flint lithics, Early Metal Age, early Iron Age, early Middle Ages.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-85-92

В 2013–2014 гг. Новгородским музеем-заповедником был проведен завершающий этап археологических исследований на участках Дворищенских XIX и XX раскопов общей площадью 84 кв. м, расположенных у восточной стены Никольского собора на Ярославовом дворище в Великом Новгороде (рис. 1).

Нижний горизонт культурного слоя раскопа, представленный гумусированным песком темно-серого цвета с включениями мелких угольков и дресвы, был перекрыт достаточно мощным выбросом практически стерильного песка, образовавшимся при строительстве Никольского собора. Материковый песок из фундаментных рвов

законсервировал культурные отложения, что позволило соотнести верхнюю хронологическую границу перекрытого слоя с летописной датой начала строительства храма — 1113 г. (НПЛ, 1950. С. 20, 204).

При разборке заполнения нижнего горизонта был выявлен ряд разновременных групп глиняной посуды. Керамический материал характеризуется небольшими по площади фрагментами сосудов. Наблюдение за степенью фрагментированности керамики может указывать на хронологические различия материала, а также на особенности технологии изготовления.

В керамической коллекции, найденной при промывке данных отложений, доминируют раннесредневековые круговые сосуды (66 %). В другую группу (9 %) объединены обломки лепной посуды широкого хронологического диапазона. Значительная часть коллекции (25 %) представлена мелкофрагментированной керамикой с утраченными поверхностями, что затрудняет ее отнесение к той или иной выделенной группе.

¹ Андриенко А. В. — Отдел хранения и изучения археологических коллекций, НГОМЗ; Кремль, 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия; e-mail: av_andrienko@mail.ru. Шуреев А. В. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований, НГОМЗ; ул. Ильина, 26, г. Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: rev21@bk.ru. Желтова М. Н. — Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mpraslava@mail.ru.

Рис. 1. План расположения участка Дворищенского раскопа 2013–2014 гг. А — ситуационный план; Б — расположение раскопа по отношению к Николо-Дворищенскому собору. 1 — Николо-Дворищенский собор; 2 — Дворищенский раскоп

Fig. 1. Plan of the location of the Dvorishche excavation of 2013–2014. А — situational plan; Б — location of the excavation relative the Nicholas-Dvorishche temple. 1 — Nicholas-Dvorishche temple; 2 — Dvorishche excavation area

Фрагменты круговой керамики выделяются из всего объема материала большой площадью черепка, обработкой поверхностей, а также орнаментом. Набор посуды представлен исключительно горшками, отнесенными к двум типам. К типу I относятся горшки с вертикальным венчиком, который имеет косой срез внутрь и желобок по его краю (рис. 2). Орнаментацию составляют псевдовалики с гребенчатым штампом, многорядные линии и волны. Тип II объединяет сосуды эсвидной профилировки с укороченным венчиком (рис. 3). Венчики плавно отогнуты наружу, имеют прямой срез или небольшой желобок и оттяжку вверх. На внутренней стороне шейки некоторых сосудов прослеживается утолщение, связанное с архаическим приемом соединения жгутов. Декорирован этот тип сосудов многорядными линиями и волнами.

Технология изготовления представленных типов круговой керамики достаточно однообразна. В качестве исходного сырья использовалась влажная глина с естественным включением песка и бурого железняка. Формовочную массу составляет ожелезненная глина с искусственным добавлением дресвы и органики животного

происхождения. Дресва в основном имеет размер частиц 0,5–0,9 мм, что соответствует составу тонких формовочных масс вида 5, по А. А. Бобринскому (Бобринский, 1978. С. 109–111). Органические включения вводились в тесто во влажном состоянии. В свежих изломах керамики фиксируются линзы органики и отпечатки стеблей травы. В некоторых случаях прослеживаются пустоты с глянцевой пленкой, что не исключает введение органического раствора.

Конструирование полого тела сосудов производилось жгутовым налепом. Донца горшков изготовлены по программе донных начинов. Выделяются монолитные донные начини и составные, свитые из жгута по спирали. Наружная поверхность большинства донца носит следы подсыпки золы. В редких случаях удалось выявить признаки выбивания.

В обработке поверхности сосудов прослеживаются несколько приемов. Наиболее распространенный из них связан с динамическим заглаживанием деревянным ножом внешней поверхности и пальцами рук — внутренней. На придонных частях фиксируются следы вертикального заглаживания, что можно связать с культурными

Рис. 2. Фрагменты раннесредневековых сосудов (тип I). Фото А. В. Шуреева, рисунки А. С. Юркиной
Fig. 2. Fragments of early mediaeval pottery (type I). Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Рис. 3. Фрагменты раннесредневековых сосудов (тип II). Фото А. В. Шуреева, рисунки А. С. Юркиной
Fig. 3. Fragments of early mediaeval pottery (type II). Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Рис. 4. Фрагменты лепных раннесредневековых сосудов. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной
Fig. 4. Fragments of early mediaeval handmade pottery. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

традициями изготовления лепной керамики, сохранившимися в среде гончаров.

Круговые сосуды, обнаруженные в нижнем горизонте раскопа, характерны для средневекового Новгорода. Выделенные формы находят прямые аналогии во всех работах, посвященных типологии местной керамической посуды (Смирнова, 1974. С. 228–231; Горюнова, 1997. С. 117–123; Малыгин и др., 2001. С. 88–94). Начало распространения выявленных типов круговой керамики также традиционно для Новгорода и может быть датировано рубежом X–XI вв. Завершение бытования этих форм посуды в материалах Дворищенских XIX и XX раскопов связано с началом строительства Никольского собора.

Лепная керамика представлена небольшими по площади фрагментами, что затрудняет морфологическое и типологическое атрибутивное большей части образцов данной группы. Поэтому удалось выявить лишь некоторые технологические особенности ее изготовления. Как уже отмечалось, среди лепной посуды выделяются несколько категорий керамики, отличающихся яркими внешними признаками, что может иметь ключевое значение в определении периодизации.

Первую категорию составляет лепная посуда с четким ребром на переходе от плечика к тулову и слабопрофилированные горшки с пологим плечиком (рис. 4). Керамика таких типов хорошо представлена в древнейших отложениях Новгорода (Смирнова, 1976. С. 3–10; 1978. С. 165–167; Гайдуков, 1988. С. 61–63; Малыгин и др. 2001. С. 88; Плохов, 2009. С. 417–431) и имеет аналогии

в материалах других памятников региона конца I тысячелетия н. э. (Орлов, 1972. С. 127–138; Носов и др., 2005. С. 76–77).

В качестве исходного сырья для ее изготовления использовалась ожелезненная глина с естественной примесью песка. Формовочную массу составляла влажная глина с искусственным добавлением дресвы и органики животного происхождения. В одном случае удалось выявить искусственное привнесение в тесто песка. Минеральная примесь имеет более крупную фракцию, чем в круговой посуде. Размер зерен дресвы достигает 2–4 мм в поперечнике. Поверхность керамики носит следы ручного заглаживания, иногда динамического характера. Декорирование сосудов этой категории лепной керамики не производилось. Как отмечается в исследованиях, орнаментация для новгородской лепной посуды нехарактерна и встречается крайне редко (Плохов, 2009. С. 424).

Во вторую категорию выделены два венчика, имеющие уплощенный край и ямочный орнамент на слабопрофилированном плечике (рис. 5, 1–2). Такой вид узора не встречается на новгородских раннесредневековых лепных сосудах. Дополняют данную категорию керамики несколько стенок, покрытых сетчатыми отпечатками (рис. 5, 3–6), и стенка с ямочным орнаментом (рис. 5, 7). Формовочная масса составлена из ожелезненной глины с искусственным включением дресвы и органики. Ближайшие аналогии данной категории керамики удастся обнаружить на серии памятников Приильменья и Поволховья периода раннего железного века (Орлов, 1967. С. 233–236; 1984. С. 70–73;

Рис. 5. Фрагменты керамики раннего железного века: 1, 2 — венчики с ямочным орнаментом; 3–6 — стенки с сетчатыми отпечатками; 7 — стенка с ямочным орнаментом. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной

Fig. 5. Fragments of pottery of the early Iron Age: 1, 2 — rims with pit ornamentation; 3–6 — pot walls with grid imprints; 7 — wall with a pit ornamentation. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Рис. 6. Фрагменты керамики эпохи раннего металла. Фото А. В. Шуреева, прорисовки А. С. Юркиной

Fig. 6. Fragments of pottery of the Early Metal Age. Photo by A. V. Shureyev, drawings by A. S. Yurkina

Носов, Плохов, 1989. С. 34–36; Кулькова, Юшкова, 2008. С. 209; Носов и др., 2017. С. 36–37). Прослеживается определенная близость выявленного керамического набора с материалами Холопьевого Городка (Кулькова, Юшкова, 2008. С. 209–210, рис. 9). Следует отметить, что материалы раннего железного века уже фиксировались при археологических исследованиях на Ярославском дворе (Рыбина и др., 2011. С. 55–56, рис. 3).

Третью категорию лепной керамики составляют фрагменты, имеющие окатанные края и визуально напоминающие окаменелые пластинки глины природного происхождения (рис. 6). Цвет внешней поверхности имеет бежевый оттенок, а внутренняя поверхность — черная. Орнамент на представленных образцах отсутствует, однако на одном фрагменте отчетливо читается валик.

В технологическом отношении эта категория керамики резко отличается от групп посуды, представленных ранее. В формовочную массу в качестве искусственной добавки вводилось большое количество измельченной органики. Отпечатки органики фиксируются и на поверхностях сосудов. Выявленное отличие в традиции изготовления данной керамики позволяет предположить ее более раннюю датировку и отнести к эпохе раннего металла.

Тем не менее для уточнения периодизации и особенностей технологии изготовления выделенных групп керамики необходимы дополнительные исследования.

О степени интенсивности хозяйственной деятельности применительно к нижнему горизонту культурных отложений раскопа может говорить

Таблица 1. Нижний горизонт раскопа. Средняя плотность находок
Table 1. Lower horizon of the excavation site. Average density of finds

Находки	Объем культурного слоя, куб. м	Количество, фрагменты	Плотность, фрагментов /куб. м
Древнерусская круговая керамика	36,07	685	18,9
Древнерусская лепная керамика		69	1,9
Относящиеся к раннему железному веку		9	0,25
Относящиеся к эпохе бронзы		21	0,6

плотность находок керамического материала (табл. 1). Так, этот показатель для керамики древнерусского времени значительно ниже, чем на других городских раскопах, где применялась методика подсчета средней плотности находок как количественной характеристики комплекса (Петров, 2011. С. 137–147). Использование подобных подсчетов для древнейших поселенческих памятников региона ранее не осуществлялось.

Низкий показатель плотности находок является дополнительным аргументом для атрибуции нижнего горизонта раскопа как пахотного слоя, о чем также свидетельствуют выявленные в его основании, на границе с предматериком, следы перекрестной распашки.

Из рассматриваемого горизонта культурного слоя Дворищенского XX раскопа происходит небольшая коллекция из одиннадцати кремневых предметов, которая представляется несколько разнородной. Часть предметов (3–4 экз.) можно отнести к эпохе раннего металла, 1–2 экз. — к средневековому периоду, хронологическую принадлежность остальных установить нельзя. К эпохе раннего металла можно отнести двустороннеобработанный наконечник стрелы (рис. 7, 3), заготовку двустороннеобработанного орудия (рис. 7, 4) и скребок на отщепе (рис. 7, 2). Очень возможно, что к этой же группе относится и продолговатый остроконечный отщеп серовато-бежевого кремня.

Заготовка орудия типа миниатюрного тесла изготовлена из куса неоднородного коричневатого кремня. Плоская поверхность полностью обработана уплощающими встречными сколами с краев заготовки, выпуклая практически не обработана, широкий конец орудия сформирован сломом.

Наконечник относится к группе треугольно-черешковых и близок к сейминскому типу по классификации И. В. Гавриловой (Гаврилова, 1965. С. 209). Он изготовлен из красноватого кремня

с уплощенным подпрямоугольным насадом, на одном уголке имеется небольшой выступ. Второй уголок насада такого выступа не имеет из-за внутренней трещины отдельности кремня, из которой сделан наконечник. На самом кончике — небольшой плоский скол, свидетельствующий о контакте с твердым материалом при попадании в цель. Этот тип следов износа характерен для наконечников, использовавшихся по прямому назначению.

Скребок на отщепе серо-красного кремня побывал в огне, отчего поверхность его покрыта сетью микротрещин, имеются небольшие участки белой патины. Возможно, что этим же обусловлен красный цвет отдельных участков кремня, некоторые разновидности серого кремня краснеют в высокотемпературных условиях. На конце отщепы имеется выступающий носик, однако основной рабочей частью орудия был толстый округлый левый край, на котором сохранился участок корки. Второе, слегка вогнутое, лезвие находится в дистальной части на правом краю.

Остроконечный отщеп является сколом подправки края площадки предмета расщепления. К эпохе раннего металла его предположительно можно отнести лишь на том основании, что в средневековье для получения кресальных кремней конкреции разбивали относительно бессистемно, здесь же мы имеем дело с проявлением определенной стратегии расщепления. Мелкая и микроретушь на краях отщепы, вероятнее всего, являются следствием повреждений.

К средневековью относятся кресальный кремень (рис. 7, 1) и, возможно, мелкий отщеп кремня хорошего качества, случайно отлетевший при контакте кремня с твердым отбойником (вероятно, металлическим предметом).

Кресальный кремень изготовлен на отщепе, которому придана подпрямоугольная форма. Один длинный край представляет собой слом, на втором располагается основная зона

Рис. 7. Предметы из кремня: 1а, 1б — кресальный кремь; 2а, 2б — скребок на отщепе; 3а, 3б — двусторонне-обработанный наконечник стрелы; 4а, 4б — заготовка двустороннеобработанного орудия. Фото М. Н. Желтовой, прорисовки А. И. Корниенко

Fig. 7. Flint objects: 1а, 1б — flint fire-striker; 2а, 2б — scraper on flake; 3а, 3б — bifacial arrowhead; 4а, 4б — blank for a bifacial tool. Photo by M. N. Zheltova, drawings by A. I. Kornienko

использования со сформировавшейся выемкой. Оба коротких края орудия, прямой и слегка выпуклый, также использовались для добывания огня.

Остальные пять находок невыразительны, это два мелких первичных отщепов, побывавших в огне, первичный скол и две кремневые чешуйки. В дистальной части последней, на левом краю у острого кончика и на самом кончике, имеется небольшой участок регулярной микроретуши.

Таким образом, несмотря на небольшую площадь исследований, полученные материалы дали

новую информацию об одном из важнейших участков в средневековой городской топографии. Описанные группы вещей позволяют говорить не о случайном характере их нахождения в средневековом культурном слое, а о располагавшихся на этой территории поселениях, относящихся к ранним этапам антропогенного освоения Поволжья и Приильмения. Дальнейшие исследования, в том числе с привлечением естественнонаучных методов, позволят существенно расширить источниковую базу и дополнить выводы по обозначенной проблематике.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с., ил.

Гаврилова, 1965 — Гаврилова И. В. Типы наконечников стрел эпохи неолита и бронзы костромского Поволжья // Палеолит и неолит СССР. М., Л.: Наука, 1965 (МИА; № 131). Т. V. С. 204–213.

Гайдуков, 1988 — Гайдуков П. Г. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1988. Вып. 1. С. 61–63.

Горюнова, 1997 — Горюнова В. М. Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого X раскопа) // НиНЗИиА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 115–138.

Кулькова, Юшкова, 2008 — Кулькова М. А., Юшкова М. А. Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы — раннего железного

века из юго-восточного Приладжья, Поволжья и Приильмения // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008 (Замятинский сборник; Вып. 1). С. 201–219.

Малыгин и др., 2001 — Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 82–97.

Носов, Плохов, 1989 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. М.: Наука, 1989. Вып. 195: Славяно-русская археология. С. 34–42.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 403 с.

- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Орлов, 1967 — Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода // СА. 1967. № 2. С. 233–236.
- Орлов, 1972 — Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127–138.
- Орлов, 1984 — Орлов С. Н. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 70–84.
- Петров, 2011 — Петров М. И. Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2011. Вып. 25. С. 137–147.
- Плохов, 2009 — Плохов А. В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева: Сб. ст. / Сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеонаРТ, 2009. С. 417–431.
- Рыбина и др., 2011 — Рыбина Е. А., Пежемский Д. В., Самойлов К. Г., Курбанова М. П. Исследования на Ярославовом дворище в Великом Новгороде // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 54–56.
- Смирнова, 1974 — Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М., 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 228–248.
- Смирнова, 1976 — Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М.: Наука, 1976. Вып. 146: Славяно-русские древности. С. 3–10.
- Смирнова, 1978 — Смирнова Г. П. К вопросу о датировке древнейшего культурного слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 165–171.

The earliest archaeological materials from excavations of 2013–2014 in the area of Yaroslavovo Dvorishche

A. V. Andrienko, A. V. Shureyev, M. N. Zheltova

In the course of archaeological excavations of 2013–2014 near the eastern wall of the St Nicholas temple at the Yaroslavovo Dvorishche (Yaroslav's Yard) in Veliky Novgorod, the earliest horizon of the cultural deposits was revealed in the area of 84 sq. m. This layer was covered with spoils of virgin sand from the foundation ditches during the construction of the church (1113). This horizon was interpreted as an arable layer of the Old-Russian time as indicated by traces of cross-ploughing revealed in its foundation at the boundary with the layer next to the virgin soil. An additional argument for such an interpretation was presented by the low concentration of findings from this stratum. In the course of the morphological examination of the artefacts, three categories of pottery have been distinguished related with different chronological spans: early mediaeval period (10th–11th centuries), Early Iron Age, and Early Metal Age. For each of the distinguished cultural and chronological groups of pottery, characteristic manufacturing techniques were defined. Some of the flint lithics also are related with the earliest period. Nevertheless, this group is overall inhomogeneous in its composition. The earliest objects are dated to the final Neolithic — Early-Metal Epoch, a few artefacts — to the Middle Ages; it is impossible to establish the age of some finds because of their indistinct character. Nevertheless, the conducted investigations suggest a non-fortuitous nature of occurrence of the earliest artefacts in the mediaeval cultural layer and, on the contrary, indicate the presence of settlements in these territories dated to the early stages of the anthropogenic occupation of the Volkhov and Ilmen regions. Exactly the presence of typologically indistinct objects among the collection of flint finds, such e.g. as chips and primary flakes, suggests the absence of purposeful sorting of the material and knapping of the flint in location. Notably, traces of the settlements of early archaeological cultures in the area included later in the composition of mediaeval Novgorod have been recorded for the first time. This fact makes the obtained evidence important and expands our notions about the early settlement in the region.